

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ (2002-2012)

Празднование 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, как и год 100-летия, сопровождалось значительным объемом публикаций по самым разнообразным аспектам этой темы, включая Бородинское сражение. Четверть века, предшествующая знаменательной дате, на которую пришелся расцвет научно-исследовательской деятельности большинства моих коллег, совпала к тому же с общественно-политическими изменениями в стране, которые не могли не отозваться на историографии «битвы гигантов». Как сказал поэт, «у каждой эпохи свои подрастают леса». 10 лет назад нам уже доводилось выступать на Бородинском поле с докладом, посвященным проблемам изучения «великой битвы у стен Москвы», где констатировались наши общие достижения, не вызывавшие в то время сомнений: «Конец XX - начало XXI столетия, на наш взгляд, ознаменовалось качественно новым уровнем изучения источниковой базы, связанной с Бородинским сражением. Современные ученые впервые предприняли попытку "фронтального" сопоставления источников не только русской, но и неприятельской стороны. Введение в оборот французских, немецких, польских источников сделало возможным долгожданный прорыв в изучении темы, позволив ввести принципиально новые элементы в сложившуюся версию "битвы гигантов". Достаточно назвать работы А.А. Васильева, в том числе созданные в соавторстве с А.А. Елисеевым¹ и А.И. Поповым, позволяющие уточнить численность, состав и потери русской и неприятельской армии. А.И. Поповым и А.А. Васильевым введены в оборот ранее не публиковавшиеся или не переведенные на русский язык источники, связанные с действиями при Бородине французских, немецких и польских войск. Большой интерес представляют источниковедческие работы С.А. Малышкина и А.И. Сапожникова². Особого внимания заслуживает монография В.Н. Земцова³, представляющая, по словам автора, "многоплановую" или "тотальную" историю Бородинского сражения "применительно ко всей европейской армии Наполеона". Ученый из Екатеринбурга попытался выявить "национальные историографические «коды»" в освещении действий Великой армии в Бородинском сражении. <...> Ряд вопросов может быть разрешен привлечением данных ландшафтного исследования местности, содержащихся в работах А.В. Горбунова»⁴.

Новый, по меркам того времени, взгляд на памятное событие, действительно, складывался при нашем участии в особой обстановке, запечатленной в монографии И.А. Шеина: «С начала 90-х гг. прошедшего столетия в историографии темы важное место занимают коллективные формы научной деятельности. Они во многом определили специфику развития темы на современном этапе. <...> Десятилетний итог научной деятельности постоянно действующих конференций позволяет констатировать смещение эпицентра современных исследований истории войны 1812 года из государственных научных учреждений, каковыми являлись институты истории РАН и военной истории, в неформально-общественные объединения ученых, функционирующих на базе Бородинского и Малоярославецкого военно-исторического музеев, в периферийные и столичные вузы»⁵. В статье В.М. Безотосного, посвященной проблемам историографии на грани двух столетий, говорится: «Можно даже говорить о **возникновении коллективного мнения** (выделено авт. - *Л.И.*) по большинству основных проблем темы. Оно было выработано на основе совместного общения, постоянной корректировки отдельных точек зрения и восприятия сообществом специалистов **наиболее здравых идей и концепций** (выделено авт. - *Л.И.*)...» Но радоваться ли, печалиться ли такому явлению в научном познании как «коллективное мнение по большинству проблем»? У наших

предшественников, много и часто порицаемых советских исследователей, мнение «по большинству основных проблем», как правило, тоже совпадало. И может ли это совпадение служить критерием научности, как и здравый смысл исследователя? Часто ли в научной дискуссии нам попадаются оппоненты, признающие отсутствие здравого смысла в своих идеях и концепциях, притом что в споре принимают участие как минимум две стороны? Поэтому в наши дни вопрос о методологических основах исследования отнюдь не праздный, в особенности в тех случаях, когда наша «неискушенность» в этом вопросе начинает привлекать внимание со стороны. «На ментальной карте современной российской историографии профессиональная корпорация исследователей Отечественной войны 1812 года занимает весьма заметное место, - пишет А.В. Чудинов. - <...> Относительная закрытость этого научного сообщества обусловлена тем, что в нем преобладают представители "военно-исторического направления" историографии, которые разрабатывают преимущественно военные аспекты событий 1812 года и, в силу специфики изучаемого материала, тематически редко соприкасаются со смежными профессиональными корпорациями»⁶. Отсутствие точек соприкосновения со специалистами по всеобщей истории сделалось очевидным при «пересечении границы корпоративного ареала» во время Круглого стола 20 апреля 2011 г. в РГГУ Декларировав на словах отказ от диалектического материализма как от системы знаний, которой руководствовались «советские историки», специалисты «нашей корпорации» не стали уточнять, какой системой научных взглядов они отныне руководствуются: главное, чтобы под рукой были источники, произвольные и потребительские подходы к которым следует исключить из научной практики. Эта методологическая позиция может быть обозначена понятием «историзм» в традиционном (в том числе «советском») его понимании: акцент ставится на соответствии описания историка тому, что может стать лишь результатом описания, но мыслится как действительно произошедшее именно так. Для автора данной статьи является ключевым современное определение исторического источника как всякого объекта, возникающего в результате целенаправленной деятельности людей и используемого для получения данных о его создателях⁷. Историография темы складывается и эволюционирует как система взаимодействия целого ряда условий и факторов, в числе которых следует назвать не только обеспеченность источниковой базой, но и цивилизационный уровень времени историописания, политические и идеологические факторы, обеспеченность историописания ресурсами, организационной инфраструктурой, социальный запрос к историку, доминирующая проблематика, существующие теории и методы познания прошлого, давление предшествующего знания⁸.

Решить проблему с источниковой базой было относительно несложно, обеспечив свободную публикацию российских дореволюционных и иностранных источников. «Последние 10-12 лет отмечены в отечественной историографии невиданным по масштабам (после 1912 г.) введением в научный оборот новых иностранных источников, - пишет в своей статье А.И. Попов. - На этом основании у некоторых исследователей появилось ощущение, что теперь абсолютно все факты войны 1812 года досконально известны. И потому, для продвижения вперед, остается единственное средство - внедрение новых методов познания. Ни в коей мере не протестуя против новых методов, мы, тем не менее, убеждены, что нет нужды отказываться от традиционных методов познания. Мы полагаем, что изучение войны 12-го года должно подвигаться параллельно двумя путями: традиционным и новым. Это самый оптимальный вариант развития познания. Бессмысленно противопоставлять старые, проверенные веками, и новые методы - их нужно сочетать. Тогда только можно надеяться на прорыв в процессе познания»⁹. Хотелось бы встретить счастливица, оптимистично полагающего, что ему известны все факты о войне 1812 года вообще и о Бородинской битве в частности, перед которым не возникает иных проблем, кроме внедрения новых методов познания! С нашей точки зрения, вновь обнаруженный источник в любое время может перевернуть «здравую» концепцию автора. Хотелось бы также знать, что подразумевает автор под «новыми

методами», впрочем, как и под «старыми проверенными веками», которые нужно сочетать в надежде «на прорыв в процессе познания»? Может быть, речь идет о современном подходе к изучению исторического процесса, основанном на системе микро- и макроанализа? На уже упомянутом Круглом столе американский исследователь Э. Вовси с целью сблизить позиции российских и зарубежных историков отмечал: «Внимание историков сегодня привлекает уже не столько собственно война 1812 года с ее строго очерченными географическими и хронологическими рамками, сколько вся породившая ее эпоха, включая предшествующее развитие России и Франции с их экономическими, политическими, социальными, военно-административными и культурными особенностями. <...> Одной из задач историка видится познание того, как жизненный опыт, приобретенный в разных условиях, наложил отпечаток на восприятие пережитого участниками событий либо немедленно, либо по прошествии лет. Медленно, но верно ему приходится отходить от «наблюдения» за полями сражений, от традиционных описаний фланговых маневров, количества захваченных орудий и оценок целесообразности тех или иных элементов военной формы, все более концентрируясь на культурных и социальных аспектах войны как исторического феномена, являющегося результатом многих и многих вовлеченных в войну людей»¹⁰. Но, по справедливому замечанию Н.В. Промыслова, в «постсоветский» период «отход от чисто военной тематики в изучении 1812 г. и процесс обновления методологического инструментария происходили и происходят в России медленнее, чем на Западе»¹¹. Тем не менее, эти изменения происходят.

Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к очередному изданию известной монографии В.Н. Земцова «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении» (М., 2008). Третье издание книги в полном смысле слова исправлено и дополнено. Это касается, в первую очередь, главы, посвященной историографии темы, в которой автор не только характеризует в хронологическом порядке основные источники и созданную на их основе научно-исследовательскую литературу. Выявляя «коды» и «ловушки национальной памяти», В.Н. Земцов анализирует то, как в различных странах «исторический процесс» воздействовал на «историческое познание», как общественные запросы формировали проблематику, отношение к источникам, сказывались на выводах историков. Наконец, отдельный историографический раздел посвящен формированию в западной историографии просопографического направления в изучении армии Первой империи, к которому с полным основанием может быть причислена и работа В.Н. Земцова, зримо воссоздающая «структуры повседневности» Великой армии, сражавшейся при Бородине. Бесспорно, эта одна из лучших и в методологическом плане выдержанных работ, посвященная «битве гигантов», хотя для нас по-прежнему представляется спорным вывод автора: «Великая армия, имея в своей основе армию Франции, явно претендовала на универсальный общеевропейский характер. Она являлась своеобразным прообразом той Единой Европы, контуры которой к 1812 г. стали уже четко проступать. Несмотря на спорный характер принципов, лежавших в основе формирования наполеоновской империи, общая тенденция к интеграции Европейского континента при изоляции России проступала достаточно ясно. Удачное для Наполеона завершение войны с Россией вполне смогло бы нейтрализовать те негативные тенденции, которые работали на распад наполеоновской империи»¹². Полемика по поводу общеевропейской перспективы нашего противника при Бородине не предусмотрена объемом статьи, поэтому ограничусь тем, что приведу противоположное мнение Д. Ливена: «Опыт наполеоновских войн - в области экономики, равно как и военного дела - не дал ничего для того, чтобы оправдать идею империи внутри Европы в глазах европейцев»¹³. Автор по-прежнему уверен, что при зарождении историографии Бородинской битвы существовало два направления в трактовке событий: «клерикально-монархическое поношение европейцев» и «тираноборческое»¹⁴. Эту мысль он высказал ранее в статье «"Образ врага" в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции»¹⁵. Представителями первого направления, естественно, были М.И. Кутузов и К.Ф. Толь, в то время как второе было

представлено, конечно же, «людьми декабристского поколения». Но, если в статье, опубликованной в 2002 г., это были А.И. Михайловский-Данилевский, братья А.А. и М.А. Щербинины, М.Х. и П.Х. Габбе, оказавшиеся по недоразумению одновременно офицерами канцелярии К.Ф. Толя, то в книге автор подобрал другие кандидатуры на роль «прогрессивных русских офицеров», поменяв Щербининых и Габбе на Глинку и Ахшарумова и привел другие «убедительные» примеры «терпимого отношения к Западу»: «Подобно будущему декабристу Н.И. Кривцову, который спасал раненых французов в Москве от казаков, они видели в своих противниках не только исчадие ада, но и людей, завлеченных в русские пределы тираном-властолюбцем»¹⁶. Но и эти примеры не представляются нам удачными. Французских раненых в Москве спасал не только будущий декабрист Н.И. Кривцов, но и А.С. Норов... Допустим, что А.С. Норов был близок к Кривцову по возрасту. А мать с ребенком, которых подобрал во время отступления и отправил выхаживать в свое имение генерал Н.Н. Раевский? Да еще всю кампанию 1812 года переписывался с родственниками исключительно на французском языке. А двое детей, которых подобрал М.А. Милорадович и возил при себе, пока вдруг эти дети не увидели среди пленных своего отца, которого тут же отпустили? И как прокомментировать отрывок из мемуаров графа П.Л. Боволье, относящийся к М.И. Кутузову и, прежде всего отзыв фельдмаршала о создателе прообраза Единой Европы: «Ваш Наполеон - чистый разбойник: я отправил к нему 40 французов, взятых в плен на аванпостах - он отказался принять их! Мне-то что же с ними делать? Его поведение ужасно. Он нисколько не заботится о нации, которой всем обязан». Князь Кутузов путешествовал в экипаже более чем скромном; он не позволял себе ни малейшей роскоши и довольствовался только самым необходимым. Выросший среди солдат, он вежлив, как любой придворный; он не только доступен, но и предупредителен. Французские пленники, офицеры и солдаты, в восторге от того уважения, с каким он относился к французскому народу»¹⁷. Десять лет спустя, опять приходится ломать голову над тем, по каким признакам отличается гуманность «монархиста-клерикала» от людей декабристского толка?

Для корректности выводов об образе «другого» автору явно не хватает актуальных сведений, содержащихся в диссертации Н.В. Промыслова «Образ России во французском общественном мнении накануне и во время Отечественной войны 1812 года». Можно сказать, «образ врага» в рапортах М.И. Кутузова и в «Описаниях битвы при селе Бородине...» К.Ф. Толя - совершенно безобидный «официоз» в сравнении с наполеоновской пропагандой, умело настроившей «цивилизаторов», вторгшихся в Россию, против «северных варваров», доказательством чему служат многочисленные мемуары французских ветеранов. Если к тому же еще и сравнить эти мемуары с воспоминаниями российских офицеров, то можно прийти к определенным выводам о «культурных инвариантах» - образцах сознания и поведения воинов русской и наполеоновской армий: так, самый известный французский мемуарист граф Ф. де Сегюр в своих воспоминаниях «представил всю войну 1812 г. как межцивилизационный конфликт. <...> Но отличия между противниками в этой войне лежали не только в области культуры, Сегюр не забыл добавить, что это также была борьба бедных против богатых»¹⁸. Кроме того, «наполеоновская пропаганда постоянно подводила читателей к мысли, что Великой армии в России противостоят в первую очередь стихии, с которыми до поры французы под управлением императора успешно справлялись, но, в конце концов, природа все же победила человека. <...> Такая трактовка событий российской кампании 1812 г., многократно повторенная во множестве мемуаров, выходявших в свет на протяжении XIX в., поддержала миф о непобедимости Наполеона, поскольку считалось, что все сражения кампании он выиграл»¹⁹. Император Александр

I, напротив, призывал российских воинов к смирению и во время вступления союзников в Париж французы сразу же отметили существенную разницу в психологии офицеров двух армий - русской и наполеоновской: «Мы слышали как молодые русские

офицеры... рассказывали в самый день их торжественного вступления в Париж о подвигах своих от Москвы-реки до Сейны как о делах, в которых они были предводимы промыслом Божиим; себе они предоставляли только ту славу, что они были избраны орудием его милосердия. Они описывали победы свои без восторга и в таких простых и ласковых выражениях, что мы думали, что они на сие условились из особенной учтивости. Они нам показали серебряную медаль, которую генералы и солдаты носят как знак отличия. На одной стороне сей медали изображено око Провидения, а на другом - слова из Священного Писания: "Не нам, не нам, и имени Твоему"²⁰. Именно эта «схема» и составляла основу исторического характера офицера эпохи 1812 года. В защиту «монархических клерикалов» можно сказать следующее: «...исходный исследовательский прием здесь должен быть иным: уметь признавать те ценности, разглядеть предметы и вещи, которые, может быть, и не являются абсолютными для какого-то конкретного исследователя, но которые - бесспорная и высшая ценность для верующего»²¹.

Ограниченное количество научных работ, связанных с изучением исторической психологии, формированием исторической памяти и т.д., проявило себя в отношении к источникам по теме Бородинского сражения: ценность источника определялась и до сих пор определяется полнотой исторического «нарратива» без выяснения «целесообразности» авторов. До недавнего времени мы не уделяли в равной степени внимания «образу прошлого» и «образу врага», существовавшего в сознании воинов Великой армии, вторгшихся в 1812 г. на нашу территорию. С нашей точки зрения, методологический подход к источнику может быть только один: письменный источник - это не просто «нарратив», правдоподобие которого определяется здравомыслием исследователя (или исследователей), за каждым источником возникает проблема автора. Российские исследователи подчас с большим доверием относятся к сведениям иностранных источников как наиболее достоверным, объясняя свой выбор тем, что в России в отличие от Запада всегда существовала мощная идеологическая составляющая. Критикуя «царский», а затем советский «официоз» как нечто специфическое и свойственное только отечественной историографии, российские историки проигнорировали общие закономерности в историоописании, присущие в определенную эпоху всем странам, в результате чего в нашей историографии стал преобладать довольно односторонний взгляд на события Бородинской битвы, который, казалось бы, присущ в большей мере ветеранам Великой армии Наполеона, чем российскому историку. Этот «ренессанс» в отношении к «наполеоновской легенде» вполне объясним с точки зрения познавательной ситуации, отмечаемой А.И. Поповым: «...невиданное по масштабам... введение в научный оборот новых иностранных источников». Под вышеописанным водопадом источников некоторые наши специалисты добрались, что называется, до «точки невозврата». Речь идет об издании в 2004 в России книги А. Лашука «Наполеон. Походы и битвы. 1796-1815», предисловие к которой говорит само за себя: «Большинство имеющихся изданий убоги, вторичны, тенденциозны и ангажированы до такой степени, что историческая достоверность и элементарная объективность, как представляется, абсолютно не волнуют фанатичных горе-историков. <...> В конечном счете мы набрались смелости и решили переработать книгу Анри Лашука и взялись за это столь основательно, что сейчас, когда работа завершена, невозможно точно определить процентное соотношение авторского и нового текста. Во всяком случае, объем книги увеличился вдвое. <...> Следуя общей концепции автора и сохраняя структуру книги, мы фактически заново переписали целые разделы, особенно те, что касаются хода знаменитых сражений, стилизовав текст соответствующим образом. Кроме того, включены описания битв, вообще не затронутых Анри Лашуком или лишь вскользь упомянутые им»²². К числу последних относится и Бородинское сражение. Следует ли говорить, кто, по мнению авторов его выиграл? Нам не понятно лишь одно: зачем авторам понадобился Лашук? Бог с ними, с фанатичными российскими горе-историками, с западными-то как быть? Например, в статье французского исследователя Тьерри Ленца (кстати, президента «Фонда Наполеона»),

ссылающегося на труды своих западных коллег (Ж. Тюлара, А. Палюель-Гийарда, А. Граба, Ж.-Л. Аруэля, М. Дюнана, Р. Дюфресса, С. Марцагалли и др.) говорится: «... Кроме политической экспансии, "силовой политики" Наполеона и его плана навязывания французских решений, в проектах императора было дополнить территориальную и политическую гегемонию экономическим доминированием, буквальным использованием континента на благо французской индустрии. <...> Речь не шла об открытии французских границ, уменьшении таможенных пошлин, способствовании товарообмену и тем более не было и мысли о создании зоны свободной торговли. Происходило ровно обратное. <...> Самый впечатляющий пример сему - Россия после Тильзита, порты и земледелие которой стали приходить в упадок»²³. По-видимому, нашим «монархистам-клерикалам» все же было за что сражаться при Бородине!

Сегодня мы должны признать парадоксальный факт: российские исследователи, претендующие на новизну в оценках союза России с Наполеоном, почему-то не упоминают о выводах своих западных коллег. Нельзя не согласиться с британским исследователем Д. Ливеном, который в процессе работы над монографией, внимательно изучил национальные особенности нашей историографии: «Что касается французских источников, то взгляд на армию или кампанию глазами противника таит в себе очевидную опасность. Несомненно, что французские офицеры обычно писали рапорты или мемуары с целью добиться повышения по службе, потешить самолюбие, стяжать славу или оправдать свои действия. <...> В равной степени полезно было возложение вины за поражение на казаков или погодные условия. Поскольку у французской армии не было казаков, а погода явилась "несправедливым" деянием Господа, ни одному французскому офицеру не приходилось опасаться, что, указывая подобные причины неудачи, он ставил под сомнение свою собственную храбрость или профессиональные качества»²⁴.

Думается, что на современном вираже отечественной историографии нам не хватает ясности в важном вопросе, что сказывается и на интерпретации источников: как относиться к революционным переворотам? «Зло, неосмотрительно выпущенное из ящика Пандоры, расправилось с потомственным дворянством, упразднило титулы, уничтожило феодальные привилегии, конфисковало поместья», - с осторожностью пишет о взятии Бастилии современный французский историк Ж. Тюлар²⁵. Как теперь следует относиться к преобразованиям, навязываемым извне силой оружия в интересах прогресса? В советское время классовый подход к истории, конечно, значительно облегчал ответ на эти вопросы. «Глубина и неоспоримость марксовской оценки всех войн против наполеоновской Франции для меня очевидны, - пишет Н.А. Троицкий. - Речь идет именно обо всех этих войнах, включая самые агрессивные, самые несправедливые со стороны Наполеона - с Испанией в 1808-1813 гг. и с Россией в 1812 г. По большому счету, испанцы и россияне защищали тогда от Наполеона не только свою национальную независимость. Испанцы защищали от Кодекса Наполеона (Code Napoleon), бывшего тогда в оценке (совершенно справедливой) того же Маркса, "бесконечно выше всех существовавших кодексов", феодально-клерикальный режим, королевский абсолютизм, инквизицию, а россияне - царское самодержавие и крепостное право. <...> Вторгаясь в чужие страны, разоряя их контрибуциями, Наполеон уничтожал в них и феодальную рухлядь...»²⁶. Получается, что для многих исследователей по-прежнему «все главные методологические определительные вектора и оценочные вехи были расставлены еще на ранних этапах "освободительного движения" и донныне воспринимаются многими как само собой разумеющаяся "объективная реальность"»²⁷. А.В. Гордон отмечает особенности функционирования «наполеоновского мифа» в России: «Итак, пиетет к Наполеону сохранялся при всех перипетиях национальной истории, открываясь в них разными сторонами»²⁸. В чем причина? За четверть века мы успели разоблачить немало идеологических мифов об Отечественной войне 1812 года, созданных в годы «сталинизма», проскочив мимо самого главного: «Амбивалентность в отношении Наполеона сохранялась: драматическая история книги Тарле (1936) - яркое тому

подтверждение. Несмотря на жесткую партийную критику, требовавшую развенчания французского императора, историк продолжал переиздавать его биографию без серьезных изменений. Симпатия вождя служила охранной грамотой»²⁹. Как видим, сравнение пусть даже очень большого количества источников еще не повод для торжества над «мифами». Так, М.Ф. Румянцева рассуждает об исторической компаративистике: «Но наряду с необходимостью сравнительных исследований осознается и отсутствие адекватных методов их реализации. Еще М.О. Коялович, размышляя о методах сравнительно-исторического исследования, предупреждал: "...прием этот может приносить действительную пользу только при громадной научности, и научности, так сказать, равновесной во всех своих частях, т.е. чтобы все сравниваемые предметы одинаково научно были знакомы. При нарушении этого равновесия могут получиться чудовищные выводы при всех внешних признаках учености, обстоятельного знания дела"»³⁰. К сожалению, мы часто сталкиваемся с обильным цитированием сочинений воинов Великой армии, о большинстве которых мы знаем лишь номер полка и цвет мундира.

Справедливым будет признать, что в своем «традиционном» направлении - изучении и описании больших и малых сражений Отечественной войны 1812 года - за последнее двадцатилетие российская историография пополнилась замечательными трудами А.И. Попова, прояснившего при тщательном изучении источников ряд самых сложных и запутанных сюжетов в ходе Бородинского сражения. К его исследованиям, перечисленным ранее³¹, прибавились новые монографии и статьи³², работы исследователя можно назвать классическими в жанре военной хроники событий. Взвешенная картина битвы представлена в отдельной главе в монографии В.М. Безотосного³³. Нельзя не отметить особой исследовательской эрудиции А.И. Сапожникова, проявленной в монографии «Войско Донское в Отечественной войне 1812 года» (М.; СПб., 2012): щедро вводя в оборот новые источники, автору удается существенно расширить наши представления об уже, казалось бы, изученных обстоятельствах военной кампании 1812 года, в том числе и о Бородинской битве. Говоря о достижениях наших исследователей, присоединюсь к мнению Д.Г. Целорунго, высказанном на Круглом столе, посвященном актуальным вопросам современной историографии: «Круг научных интересов современных отечественных историков, изучающих Отечественную войну 1812 года, не ограничен только сугубо военной проблематикой: не остаются без внимания социальные и духовные аспекты жизни воинов, появился ряд исследований, которые можно отнести к микроистории и исторической антропологии»³⁴. После выхода в свет монографии «Офицеры русской армии - участники Бородинского сражения» (М., 2002) исследователю удалось добиться новых успехов³⁵ в «просопографическом» исследовании темы: Д.Г. Целорунго обратил научный поиск в сторону нижних чинов российской армии.

До настоящего времени мы являемся заложниками ситуации, когда «в темпераментных спорах недавних 90-х гг. о сущности и путях эволюции т.н. "советской науки" не были в достаточной степени разведены понятия "исторической науки" как социокультурного явления и исторического познания, как явления, относящегося к области науки». Критическим замечаниям подверглась исключительно отечественная историография, создавшая идеализированный образ прошлого. Накануне празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года появилось немало литературы, критически отражающей как полководческую деятельность, так и личностные черты генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Обращаясь к жанру исторической биографии, авторы значительно усложняют себе задачу: жизнь своего героя им следует «вписать» в канву исторических событий, не забывая, что жизнь героя определяется не только обществом, «но и культурными инвариантами (системой образов сознания и поведения) и исторической памятью, доставшейся от предшествующих периодов»³⁶. Причины трудностей, которые подстерегают биографов на этом пути, охарактеризованы С.О. Шмидтом: «Историко-

культурной же проблематике, а тем более историко-психологической в трудах историков уделялось значительно меньше внимания...»³⁷.

Однако Н.А. Троицкого, автора монографии «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты» (М., 2002), бесспорно, ставшей отправной точкой негативного отношения к полководцу на современном этапе нашей историографии, похоже, сложности в понятийном аппарате не смущали. Методологическая основа его работы может быть определена как «демифологизация истории», чему соответствовала и проблематика. Исследователь не пожелал менять менторскую «позицию историка в историческом нарративе»³⁸, поставив себе целью «уточнить истинный масштаб личности М.И. Кутузова», избегая вникать в особенности «культурных инвариантов». Автор полагает: «Истинный масштаб личности Кутузова меньше той видимости, которую он обретает (благодаря совокупным усилиям наших, в основном советских, историков и литераторов) как главнокомандующий всеми русскими армиями в триумфальные для России дни 1812 г. Вопреки русской поговорке "Не место красит человека, а человек - место", здесь перед нами скорее классический пример того, как и место в определенной степени красило человека»³⁹. Однако историк - не проповедник; «в последние годы все большим интересом пользуются работы, в которых автор не предлагает изложения последовательной череды событий с готовым ответом на вопрос "как это было?", а побуждает читателя посмотреть на возможные варианты развития событий, проанализировать потенциальные возможности их участников, мотивацию поступков и причины, по которым реализовались или не реализовались те или иные возможные сценарии в истории» (О.Е. Глаголева)⁴⁰. Иными словами, от историка ожидают того, что «и в научном арсенале, и в обиходном словоупотреблении в последнее время обозначают понятием ментальности»⁴¹. При этом нельзя не согласиться с мнением современного исследователя: «Безусловно, в любом выборе историком темы своего исследования есть нечто личное, что никак не может быть сведено к результатом влияния окружающей среды. Однако только этим невозможно объяснить в конечном итоге характер научной деятельности историка: она во многом связана с окружающей его средой, в которую входит и состояние исторической науки. <...> Актуальность отличается от конъюнктуры тем, что в первом случае по отношению к прошлому задается только вопрос, а во втором прошлое подгоняется под заранее определенную, навязываемую этому прошлому форму ответа...»⁴².

Аргументы, на основании которых Н.А. Троицкий «корректирует» («навязывает») представления об «истинном масштабе личности М.И. Кутузова», на наш взгляд, явно противоречат друг другу (мы опускаем комментарий по поводу многообещающего заявления об «истине» в истории). «Кутузов **победоносно и в нужный момент** (выделено нами. - Л.И.) завершил войну с Турцией (1806-1812 гг.), но **не имел отношения ни к подготовке войны 1812 г., ни к ее смертельно опасному для России началу** (выделено нами. - Л.И.), - рассуждает автор. - Не будь случая с назначением его главнокомандующим, он мог бы остаться в нашей военной истории всего лишь одним из первого ряда генералов (не фельдмаршалов!), ибо к 1812 г. ничем особо выдающимся и эпохальным себя не проявил»⁴³. Но Д. Ливен признает, что, разбив турецкую армию осенью 1811 г. при Слободзее, «тем самым он внес один из своих самых выдающихся вкладов в войну 1812 г. еще до того, как она успела начаться»⁴⁴. Воистину, как говорил сам Кутузов, «нет пророк честен в отечестве своем». Кстати, в книге замечательного знатока тактики русской пехоты в 1812 году И.Э. Ульянова отмечается: «Только в 1818 г. был издан чрезвычайно подробный документ под названием "Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты". Между тем свою силу сохраняли и некоторые положения сформулированного в конце XVIII века "Приступления к обучению егерей", в котором среди прочего содержалось подробное описание основных егерских маневров»⁴⁵. Если мы откроем текст «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно»⁴⁶, разработанного М.И. Кутузовым, то мы найдем там знакомый подзаголовок: «Приступим к обучению егеря». Сопоставив текст «Примечаний» с тем анонимным документом,

цитаты из которого приводит И.Э. Ульянов, мы убедимся, что в 1812 г. при Бородине русские егеря сражались по правилам, разработанным для них М.И. Кутузовым четверть века назад! Как относиться к заявлению Н.А. Троицкого о «малозначимом для теории труда» М.И. Кутузова? Я уже не упоминаю о таком промахе исследователя как заявление о том, что М.И. Кутузов в день битвы при Бородине находился в Татаринове...

В жизнеописаниях полководца традиционно главное внимание уделяется событиям наполеоновских войн, но для М.И. Кутузова именно «век осмнадцатый» был наполнен именами и событиями, без которых, невозможно представить его как личность и как полководца, следовательно, невозможно понять и объяснить его действия в 1812 году, и в частности, при Бородине. Полководческий почерк М.И. Кутузова сложился в эпоху спора о двух стратегиях ведения войн - «стратегии сокрушения» и «стратегии измора» (Г. Дельбрюк), который отнюдь не стал праздным и в эпоху наполеоновских войн. Преимущество Наполеона над его противниками, достигавшееся за счет стремительного передвижения войск, основывалось на принципе «кормиться с земли», но этот принцип быстро превратился из преимущества в свою противоположность. «В национальных войнах, где население спасается бегством и уничтожает все на пути врага, как это было в Испании, Португалии, России и Турции, невозможно продвигаться вперед без сопровождения обозов с продовольствием и не имея надежной базы снабжения вблизи фронта операций. При таких обстоятельствах война вторжение становится очень трудным делом, если не невозможным», - констатировал А. Жомини⁴⁷. М.И. Кутузов, подобно другим полководцам «старой Европы», задавался вопросами, при каких обстоятельствах важнее и выгоднее: вести войну наступательную или оборонительную? сокрушить противника в генеральном сражении или подорвать его силы в ходе затяжной кампании? В рамках двух стратегических концепций решался и вопрос о роли генерального сражения в ходе военной кампании: одни считали, что сражение - кратчайший путь к миру, другие были убеждены в том, что выиграть войну можно и не вступая в битву. Ближайшие же наставники М.И. Кутузова - П.А. Румянцев и Г.А. Потемкин - «творчески использовали идеи знаменитого полководца и военного теоретика Франции Морица Саксонского, оказавшего большое влияние на развитие военного искусства»⁴⁸. Мысли, высказанные де Саксом, не утратили для М.И. Кутузова свою актуальность и в ходе наполеоновских войн. Тем более, что одна из глав сочинений знаменитого полководца XVIII столетия так и называлась «Слово против сражения»⁴⁹. Разве кого-либо из современных историков, обрушившихся с критикой на М.И. Кутузова, интересовали военно-теоретические взгляды нашего полководца, которые не что иное, как «культурный инвариант»? С нашей точки зрения, Бородинское сражение нецелесообразно рассматривать в отрыве от «большой стратегии», которая, без сомнения, была тесно связана с экономикой и дипломатической ситуацией в Европе. В противном случае, остается только подсчитывать очки, как в спортивном состязании...

Нельзя не признать, что в прошедшее десятилетие особых успехов достигли исследователи, специализирующиеся на вспомогательных дисциплинах: униформологии, генеалогии, геральдике, фалеристике и др. Об этом свидетельствуют материалы, опубликованные в периодических изданиях «Воин», «Император», «Сержант», «Цейхгауз» и др. Бесспорным достижением коллективных усилий являются также сборники документов, ценные справочные и энциклопедические издания, содержащие сведения о персоналиях, боевых действиях, войсковых соединениях и подразделениях⁵⁰. Особо хотелось бы выделить сборники документов, посвященные именно битве при селе Бородине⁵¹.

Мы не ставили перед собой задачу упомянуть в статье обо всех научных изданиях, появившихся в печати в преддверии юбилея, стараясь привлечь внимания к проблемам и определенным закономерностям в отечественной историографии на современном этапе развития темы. В докладе десятилетней давности речь шла о том, как субъективные обстоятельства, обычно остававшиеся за рамками научного исследования, привели к тому,

что отечественная историографическая традиция Бородина, основанная на сложном по своему происхождению и по времени создания комплексе источников, изначально вступила с ними в противоречие. На наш взгляд, эти противоречия не снимаются массовой публикацией источников. За каждым источником постоянно возникает проблема автора. Сложилось так, что эта проблема даже в основательных исследованиях оказывалась вторичной, второстепенной по отношению к избираемым историками версиям, заложенным еще в военно-оперативной документации и в первых сочинениях военачальников русской армии о Бородине. Приоритеты в использовании тех или иных источников определялись произвольно, в зависимости от субъективных позиций историков и их приверженности той или иной трактовке Бородинского сражения. Кстати, один из основных источников - «Оправдательные письма» М.Б. Барклай де Толли - при их широком распространении так и не имеют развернутого научного комментария. Авторы либо не объясняли, почему они отдадут предпочтения тому или иному, противостоящему ряду источников, либо их редкие объяснения связывались с общественно-политическими и идеологическими предпочтениями. Оттого представляется необходимой и актуальной задача выяснить, какими причинами это было обусловлено - целями создателя исторического источника или исторического труда, личностными отношениями, давлением политических и идеологических установок и т.п., откуда проистекают и как формируются первоначально в военно-оперативных документах, затем в сочинениях участников и, наконец, в трудах историков историографические версии исторического события; как эти версии соотносятся с источниковой базой. Именно это проблема более всего нас волновала при создании монографии «Бородинское сражение. История русской версии» (М., 2009), в основу которой был положен текст диссертации, при работе над которой сделалось очевидным отсутствие исследований, посвященных «ментальности» российских офицеров. Не имея перед глазами историко-психологических портретов героев Бородина, трудно догадаться о мотивации их поступков, объяснить, откуда в их рапортах, письмах, дневниках, воспоминаниях брались неточности или ошибки. Именно так родился замысел книги «Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года» (М., 2008). Опираясь на источники, мы можем создать «портрет в пороховом дыму», а можем попытаться восстановить неповторимые историко-психологические черты героев далекой эпохи. Как заметил современный исследователь, «в конечном счете, это ни более ни менее вопрос о том, является ли история больше точным знанием, наукой, - или больше искусством представления прошлого в интересах современников?..»⁵²

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев А.А. «Лукавая цифирь» авантюриста // Родина. 1992. № 6/7. С. 68-71; Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 года: Состав войск и их численность. М., 1997; Васильев А.А., Попов А.И. Grand Armée: Состав армии при Бородино. М., 2002.

² Малышкин С.А. История создания А.И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году» // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Изд-во Сарат. ун-та, 2002; *Он же*. Человек в Бородинской битве: опыт ист-культуролог. исслед. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всерос. науч. конф. Бородино, 1999; Сапожников

А. И. Записка атамана М.И. Платова о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всерос. науч. конф. Бородино, 1999; *Он же*. «Бородинский футляр» из библиотеки генерала Ф.Ф. Шуберга // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003; *Он же*. Неопубликованная «История кампании 1812 года» А.И. Михайловского-Данилевского // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всерос. науч. конф. Можайск, 2004.

³ Земцов В.Н. Великая армия в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.

- ⁴ Горбунов А.В. Место расположения Главной квартиры М.И. Кутузова на Бородинском поле // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы Всерос. науч. конф. Бородино, 1997; *Он же*. Бородинское поле как уникальная историческая территория // Отечественная война 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Бородино, 1994; *Он же*. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989-1999) // Воинский подвиг защитников Отечества: Материалы межрегион, науч. конф. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 135-144; и др.
- ⁵ Шейн И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 174, 179, 180.
- ⁶ Чудинов А.В. Геополитические баталии на плацдарме 1812 года: о книге В. М. Безотосного // Рос. история. 2012. №6. С. 173.
- ⁷ Медушевская О.М., Муравьев В.А. Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 33.
- ⁸ Сахаров А.М. Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978. С. 8-15; Муравьев В.А. История вновь и вновь // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 января- 1 февраля 2003 г. М., 2003. С. 22- 31.
- ⁹ Попов А.И. Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы: Материалы Междунар. науч. конф. Бородино, 9-11 сентября 2002 г. М., 2003. С. 45.
- ¹⁰ Вовси Э. Qui non proficit deficit (о некоторых направлениях по изучению эпохи войны 1812) // Французский ежегодник, 2011: Отечественная война 1812 г.: актуальные вопр. совр. историографии: Материалы Круглого стола. М., 2011. С. 348-357.
- ¹¹ Промыслов Н.В. Образ России во французском общественном мнении накануне и во время Отечественной войны 1812 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 13.
- ¹² Земцов В.Н. Великая армия Наполеона при Бородино М., 2008. С. 128.
- ¹³ Там же. С. 152.
- ¹⁴ Там же. С. 34.
- ¹⁵ *Он же*. «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов К 190-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2002. Труды ГИМ. Вып. 132. С. 246-268.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Записки современников о 1812годе (граф Боволье) // Рус. старина. 1893. Кн. 3. С. 24-25.
- ¹⁸ Промыслов Н.В. Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // Французский ежегодник, 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 411-412.
- ¹⁹ Там же. С. 413-414.
- ²⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары, 1814-1815. СПб., 2001. С. 53-54.
- ²¹ Боханов А.Н. Самодержавие: Идея царской власти. М., 2002. С. 19-20.
- ²² Лашук А. Наполеон: Походы и битвы, 1796-1815. М., 2004. С. 6.
- ²³ Лещ Т. Наполеоновская «федеративная система» // Партитура Первой Отечественной: Война 1812 года. М., 2012. С. 109-110.
- ²⁴ Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М., 2012. С. 40.
- ²⁵ Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М., 1996. С. 14.
- ²⁶ Троицкий Н.А. Антинаполеоновские коалиции 1813-1815 гг.: смысл, цели, характер // Военная история. 2004. №12. С. 72-73.
- ²⁷ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 9.
- ²⁸ Гордон А.В. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопр. совр. историографии: Материалы Круглого стола. С. 373.
- ²⁹ Там же. С. 371.
- ³⁰ Румянцева М.Ф. Историческая компаративистика и проблема исторического синтеза // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. - 1 февр. 2003. М., 2003. С. 14.
- ³¹ Васильев А.А., Попов А.Н. Указ. соч.; Попов А.Н. Вюртембергцы в походе на Россию // Отечественная война 1812 года: Россия и Европа: Тез. науч. конф. Бородино, 1991; *Он же*. Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994; *Он же*. Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995; *Он же*. Меж двух «вулканов»: Боевые действия в центре Бородинского поля. Самара, 1997.
- ³² Попов А.Н. Бородино: Северный фланг. М., 2008; Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино: Центр. М., 2010; *Он же*. Бородино: Южный фланг. М., 2009; Попов А.И. Лейб-гвардии Финляндский полк в Бородинской баталии, или о пользе и вреде полковых историй // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 20-34. *Он же*. Боевые действия в Утицком лесу //

Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всерос. науч. конф. Бородино, 4-6 сентября 2006 г. М., 2007. С. 50-78.

³³ *Безотосный В.М.* Все сражения русской армии 1804-1814 гг.: Россия против Наполеона. М., 2012.

³⁴ Отечественная война 1812 года: актуальные вопр. совр. историографии: Материалы Круглого стола// Французский ежегодник, 2011. М., 2011. С. 384.

³⁵ *Целорунго Д.Г.* Боевой опыт унтер-офицеров русской армии - участников Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XII Всерос. науч. конф. Бородино, 6-8 сентября 2004 г. М., 2005. С. 21-26.; *Он же.* Боевые отличия солдат русской армии в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2007. С. 14-22.; *Он же.* Социальный облик рядовых солдат 1-й и 2-й Западных армий // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2009. С. 212-227; *Он же.* Социальный облик унтер-офицеров российской армии - участников Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 7-19; и др.

³⁶ *Проскурякова Н.А.* Модели Российской цивилизации и модернизации в западном и отечественном общественном сознании // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. М., 2007. Труды ГИМ. Вып. 163. С. 9.

³⁷ *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII - первая треть XIX века. М., 2002. С. 102.

³⁸ *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* М., 2012. С. 32.

³⁹ *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 6.

⁴⁰ *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* С. 32.

⁴¹ *Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи: Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006.

⁴² *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории. 3-е изд. М., 2010. С. 17-18.

⁴³ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 6.

⁴⁴ *Ливен Д.* Указ. соч. С. 149.

⁴⁵ *Ульянов Н.Э.* 1812: Русская пехота в бою. М., 2008. С. 65.

⁴⁶ *Тактика победы // Михаил Илларионович Кутузов.* М., 2011. С. 7-34.

⁴⁷ *Жомини А.* Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С. 148.

⁴⁸ *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М., 2002. С. 62.

⁴⁹ *Мориц Саксонский.* Теория военного искусства. М., 2009. С. 97.

⁵⁰ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. *Шиканов В.Н.* Генералы Наполеона: Биограф, словарь. М., 2004; Бородино: Русское поле. Русские полки. Русские офицеры. М., 2010; Отечественная война 1812 года. Биограф, словарь. М., 2011; Заграничные походы Российской армии, 1813-1815 годы: Энциклопедия: В 2 т. М., 2011; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813-1814 гг.: Энциклопедия: В 3 т. М., 2012; *Вовси Э., Кузьмин А.* Французские генералы - участники похода на Россию 1812 года. М., 2012; Словарь портретов; Энциклопедия Отечественной войны 1812-1814 года.

⁵¹ Бородино: Документ, хроника. М., 2004; Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородине: Сб. документов. М., 2012.

⁵² *Муравьев В.А.* История вновь и вновь. С. 22.